

Глава 6. Юноша, переполошивший весь город

Цзо Юэшэн вздрогнул.

Этот голос показался ему до ужаса знакомым.

Он медленно, словно заржавевший механизм, повернул голову. Внизу, на первом этаже, стоял молодой господин в белоснежных одеждах в окружении целой свиты. Его холёное лицо покраснело от ярости, а палец, дрожащий от гнева, указывал прямо на балкон:

— Жирный проныра! Наконец-то я тебя поймал!

— Похоже, пришли именно по твою душу, — любезно заметил Цю Бодэн, не забыв добавить: — И людей-то с ним немало.

— Какого чёрта?! Как он вообще меня нашёл?! — лицо Цзо Юэшэна перекошилось. — Цю Бодэн! Ну ты и каркающая развалина, накликал беду!

Видя, что разъярённый господин в белом уже несётся наверх, сметая всё на своём пути, Цзо Юэшэн не стал тратить время на споры. Он одним махом вскочил на стол и, вцепившись в хрупкую оконную раму, под жалобный скрип дерева попытался втиснуть свою необъятную тушу в узкий проём. Цю Бодэн, проявив завидную реакцию, успел подхватить с тарелки сладость, которая ему особенно приглянулась, спасая угощение от участи быть раздавленным.

Раздался громкий треск.

Дерево не выдержало, и Цзо Юэшэн, словно пробка из бутылки, вылетел наружу.

— Счастливого пути, брат Цзо!

Услышав за спиной насмешливый голос этого негодяя, Цзо Юэшэн ощутил, как в груди вскипает праведный гнев. Не сбавляя хода и ловко перепрыгивая по черепице, он на лету швырнул в Цю Бодэна какой-то предмет.

Цю Бодэн, увлечённый зрелищем, инстинктивно взмахнул рукавом, отбивая летящий снаряд. От резкого удара вещь взорвалась прямо в воздухе. В то же мгновение показалось, будто разом открылись двери тысячи лавок с пряностями: густой, удушливый аромат дешёвых благовоний заполнил всё пространство, едва не лишив юношу чувств.

Нос молодого господина Цю был столь же изнежен, как и его вкус. Привыкший к изысканным, едва уловимым ароматам, он оказался совершенно не готов к этой «помойной» вони. Желудок предательски сжался, и Цю Бодэна едва не вывернуло наизнанку.

А снаружи уже доносился издевательский хохот удаляющегося Цзо Юэшэна.

Тот ещё вечером, прознав о прибытии старого приятеля в город Фу, в спешном порядке подготовил это «секретное сокровище».

— Жирдяй! Ты смерти ищешь?!

Одной рукой зажимая нос, а другой подхватив подол одежд, Цю Бодэн решительно перемахнул через подоконник и бросился в погоню. Следом за ним, не отставая, сиганул и господин в белом.

Цзо Юэшэн на бегу оглянулся и похолодел: этот негодяй не только не свалился без чувств от вони, но и стремительно сокращал дистанцию! Интуиция подсказывала, что дело пахнет керосином. Плевав на остатки достоинства, толстяк во всю мощь своих легких завопил на весь город:

— Лоу Цзяаан! —

— Куда ты, паршивец, провалился?! —

— Выходи, не то меня сейчас прибьют! —

Природа не обделила его ни объемом тела, ни объемом легких. Его вопль, мощный и раскатистый, эхом разнесся над крышами, заставив стаи птиц в ужасе взмыть в небо.

Стражники, бежавшие за господином в белом, едва не посыпались с коньков крыш от неожиданности. Слухи не лгали: бесстыдство молодого господина Павильона Гор и Морей действительно не имело границ. В этот миг многие из них невольно посочувствовали Лоу Цзяну — признанному гению и «Лазурному мечу Гор и Морей», которому приходилось нянчиться с таким подопечным.

Какой позор! Служить такому господину — сущее наказание!

Цю Бодэн мчался по крышам. Ветер быстро развеял остатки зловония, и дышать стало легче. Услышав призывы о помощи, он лишь холодно усмехнулся.

В отличие от преследователей, Цю Бодэн прекрасно знал: Лоу Цзян сейчас вместе с даосом Сюаньцином сбивается с ног, расследуя дело о теневых марионетках. Ему явно не до того, прибьют их непутёвого наследника или нет.

Крики затихли вдали, но Лоу Цзян так и не появился.

Цзо Юэшэну ничего не оставалось, кроме как припустить ещё быстрее.

Талантами в совершенствовании он не блистал, зато всяческих магических побрякушек у него было в избытке. На ходу пошарив в своих бездонных карманах, он выудил «Сапоги, ступающие по облакам» и привычным движением натянул их на ноги. Судя по сноровке, его не в первый раз гоняли по всему городу. Стоило артефакту коснуться стоп, как толстяк начал совершать невероятные прыжки, петляя между дымоходами и используя каждый выступ, словно заяц, уходящий от погони.

Вереница преследователей растянулась над улицами, точно хвост бумажного змея, перемещаясь из восточных кварталов в западные, а оттуда — в южные.

Обычно заклинатели предпочитают парить высоко в небесах, сохраняя величественный вид, но здесь, в городе Фу, крона древнего божественного дерева Фу накрывала всё пространство серебристой сетью. Ветви свисали так низко и переплетались так густо, что особо не разлетаешься.

Мирный и сонный городок вновь превратился в бурлящий котел.

Один убегал, толпа догоняла. Там, где они пронеслись, летела черепица, трещали карнизы, кудахтали куры и лаяли собаки, а вслед им неслись отборные ругательства горожан всех возрастов.

Цзо Юэшэн промчался над небольшим двориком, с грохотом рассыпая под ногами черепицу.

Девушка, набиравшая воду для стирки, в испуге задрала голову. Увидев, что фигурка духа-хранителя на коньке крыши вот-вот сорвется вниз, она отчаянно закричала:

— Сейчас упадет! Упадет! Не наступай туда!!!

Не успели слова затихнуть, как над её головой промелькнула ещё одна тень — юноша, чьи шаги по «колокольной» черепице были легки, словно дуновение ветра.

Услышав крик, он на миг повернул голову. Солнечный свет, пробиваясь сквозь мириады листьев дерева Фу, рассыпался по его плечам золотыми искрами. Волосы чернее воронова крыла, кожа белее снега, а одежды цвета осеннего клёна — он казался воплощением всех самых ярких красок этого мира. В мгновение ока юноша достиг края крыши и, оттолкнувшись от фигурки хранителя, взмыл в воздух.

В этом прыжке его красные одежды развернулись, подобно всполоху пламени или закатному облаку, оставляя в памяти лишь мимолетный образ ослепительной красоты.

Девушка так и замерла с открытым ртом.

Раздался хруст.

Многострадальный дух-хранитель окончательно покинул своё место и вместе с золотистым блеском, брошенным из рукава юноши, рухнул в заросли сорняков. Подбежав и раздвинув траву, девушка обнаружила слиток чистого золота. Ахнув от изумления и радости, она выскочила за ворота, но на улице уже не было ни души.

Лишь из соседнего дома донесся ворчливый голос старика:

— Эй! —

— Смотрите, не врежьтесь в божественное дерево! —

Цзо Юэшэн всё рассчитал верно.

Крыши города Фу были буквально опутаны ветвями старого дерева, и преследователям приходилось быть предельно осторожными, чтобы не расшибить лоб. Заклинатели-то народ крепкий, удар выдержат, но вот если они сломают хоть одну ветку священного Фу, на них ополчится весь город. Преследователям приходилось то и дело пригибаться и лавировать, в то время как Цзо Юэшэн, благодаря своим сапогам, умудрялся проскальзывать сквозь заросли, не задев ни единого листочка.

Пробежав приличное расстояние, толстяк решил, что оторвался, и рискнул оглянуться.

Лучше бы он этого не делал. От увиденного он едва не впечатался в ближайший ствол.

Большая часть свиты господина в белом действительно отстала, но сам хозяин и Цю Бодэн висели у него на хвосте, не думая сдаваться.

Особенно Цю Бодэн.

«Проклятье! Неужто у этого парня тоже есть пара таких сапог? Откуда такая скорость?!»

Цзо Юэшэн припустил с удвоенной силой, вопя на бегу:

— Молодой господин Цю! Я виноват! Каюсь! Проявите великодушие, пощадите! Я клянусь, что уговорю старика вычеркнуть вас из Рейтинга главных повес Поднебесной!

— Не утруждайся! Мне и на первом месте вполне уютно! — звонко отозвался Цю Бодэн.

Сжимая в руке меч Тайи, он перемахнул через арку ворот и, изящно пригнувшись под низко

висящей ветвью, ласточкой опустился на высокую стену.

Никаких магических сапог у Цю Бодэна не было, зато была завидная ловкость.

За обе свои жизни молодой господин Цю не сделал ни одного полезного дела, с самого рождения тратя все силы лишь на поиск развлечений. В детстве он грезил охотой в прериях, а повзрослев, перепробовал всё: от скачек и гонок на болидах до прыжков с парашютом и экстремального паркура. Он развлекался с таким неистовством, что казалось, будто собственная жизнь для него не стоит и гроша.

Впрочем, мастерству лазания по стенам он обучился вовсе не по своей воле.

Это была одна из немногих позорных страниц в биографии молодого господина.

Когда Цю Бодэну исполнилось шестнадцать, глава семьи Цю, после очередной его выходки, решил во что бы то ни стало спасти своего единственного наследника. Не спрашивая согласия, он запихнул его в закрытую школу, славившуюся своей железной дисциплиной. Поговаривали, что все там, от директора до привратника, были выходцами из элитных семей и не делали поблажек никому. Стоило Цю Бодэну переступить порог, как учителя установили за ним круглосуточную слежку. А позже специально для него завели двенадцать выдрессированных служебных псов, которые брали его в кольцо, стоило ему только приблизиться к забору. Жизнь заставила его научиться летать над препятствиями.

А теперь, в мире заклинателей, подпитываемый духовной энергией, он и вовсе мчался, подобно самому ветру.

Цзо Юэшэн сообразил, что на крышах ему не спастись — Цю Бодэн вот-вот его настигнет. Тогда он колом скатился вниз, надеясь запутать преследователей в лабиринте узких переулков.

Старик «сослал» его в город Фу уже год назад, а Цю Бодэн прибыл сюда всего пару дней назад. Знание местности должно было стать решающим преимуществом.

Цю Бодэн мчался по следу, как вдруг фигура впереди исчезла.

Он на мгновение замер и глянул вниз. Так и есть: толстяк во всю прыть удирал по земле, собираясь нырнуть в развилку двух переулков.

В голове Цю Бодэна мгновенно созрел план. Он взвесил в руке меч Тайи и намеренно громко крикнул подоспевшему господину в белом:

— Перекрывай левый, я возьму правый!

Толстяк выругался сквозь зубы и, не сбавляя хода, оттолкнулся от стены, вновь взмывая на крышу.

Но стоило его голове показаться над краем стены, как он услышал свист рассекаемого воздуха.

«Ловушка!»

Цзо Юэшэн охнул, но было поздно. Меч Тайи, пущенный точно комета, угодил ему прямо в затылок. С глухим стоном толстяк рухнул наземь, пересчитав носом все камни мостовой.

Но мечу Тайи этого показалось мало.

Сегодня его едва не переплавили, а теперь ещё и использовали как метательный снаряд. Накопив обиду на своего несносного хозяина, которой он не смел дать волю, меч решил отыграться на этом жирдяе, посмевавшем вожделеть его сталь. Клинок начал с азартом охаживать Цзо Юэшэна плашмя.

Только благодаря своим трем слоям жира толстяк смог пережить такое падение и даже попытался вскочить, чтобы юркнуть в левый переулок.

Вжих!

Сверху на него обрушилась золотистая сеть, опутав по рукам и ногам.

Господин в белом оказался неглуп и сразу понял замысел Цю Бодэна. Пока один сбивал цель мечом, другой уже готовил ловушку.

С двух сторон.

Они спрыгнули вниз, окончательно прижав Цзо Юэшэна к земле.

— Ах ты, подлый торгаш! — прорычал господин в белом. — Уже выбрал себе место на кладбище?!

— Товарищ Цзо Полумесяц, — вкрадчиво произнес Цю Бодэн, — ты уже подготовил предсмертное слово?

Цзо Юэшэн, запутавшийся в сетях, с трудом перевернулся на спину.

В следующую секунду он залился горячими слезами, запричитав так фальшиво и громко, что уши закладывало:

— Пощадите! Смилуйтесь! Я всё возьму, всё компенсирую! Подумайте о моём бедном старике-отце, он ведь уже в годах, кто о нём позаботится?! Не губите порывом гнева!!!

Мало того что он выл, так ещё и норовил вытереть лицо об одежды своих мучителей.

Цю Бодэн брезгливо отдернул руку. Ему показалось, что он только что коснулся куска прогорклого сала. Отвращение было столь сильным, что захотелось немедленно отрубить себе кисть.

Но рука была своя, родная, так что пришлось искать воду.

Господин в белом растерялся. Он явно никогда не сталкивался с подобными личностями и теперь не знал: то ли продолжать давить этого гада, то ли отпустить от греха подальше.

Рядом как раз оказался колодец. Пока Цю Бодэн в спешке набирал воду, Цзо Юэшэн, не переставая голосить, умудрился-таки размазать слезы и сопли по подолу белоснежных одежд своего обидчика.

Зрелище было поистине уникальным.

Цю Бодэн слышал, что глава Павильона Гор и Морей частенько навещался в Школу Будды. Теперь причина стала ясна — с таким-то сынком только молитвы и спасали. В последние годы отношения между Павильоном и монахами разладились, и, лишившись возможности слушать успокаивающие сутры, отец просто сослал единственное чадо в самую глухомань. С глаз долой — из сердца вон.

Глядя на это сейчас, Цю Бодэн признал: глава Павильона — человек мудрый. Иметь такого наследника — несмываемый позор.

Слуги господина в белом где-то застряли. Сам же он, закатав рукава, никак не мог решиться прикоснуться к этой горе лоснящегося жира.

Пока он колебался, Цзо Юэшэн уже начал вываливать все грязное бельё своего родителя: оказывается, всеми уважаемый глава Павильона, сльвущий образцом добродетели, на самом деле обожает не древние трактаты, а эротические гравюры с пышнотелыми девицами. А на досуге он вовсе не играет в шахматы, а переодевается в женское платье и поет в борделях...

Цю Бодэн, отмыв руки, стоял рядом и слушал с неподдельным интересом, изредка уточняя пикантные детали.

Господин в белом слушал с замиранием сердца, всерьез опасаясь, что после таких откровений глава Павильона придушит его в темном переулке как нежелательного свидетеля.

— Хватит болтать! — господин в белом отвесил Цзо Юэшэну пинка. — Верни подвеску Инь-Ян, и катись на все четыре стороны.

— Э-э-э... — Цзо Юэшэн запнулся.

— Что ты застрял, как кость в горле? Живо!

— Брат Лу Цзин, — заискивающе улынулся толстяк, — понимаешь, эта твоя подвеска... я её нечаянно потерял.

Лу Цзин? Это имя казалось знакомым.

Покопавшись в памяти, Цю Бодэн вспомнил: это же младший сын владыки Долины Медицины из «Хроник Богов». Лу Цзин, одиннадцатый в роду, по прозвищу Одиннадцатый господин. Его отец — лекарь, способный вернуть к жизни даже мертвеца, а братья — сплошь таланты и будущие светила медицины. И только этот Лу Одиннадцатый не то что спасти — простуду вылечить не мог.

Как-то раз его любимая красавица-куртизанка занемогла. Лу Одиннадцатый, желая доказать свою преданность, лично взялся за лекарство. Три часа он колдовал над котлом и в итоге выварил некую бурю жижу. Девушка, ослепленная любовью, рискнула это выпить. Едва снадобье коснулось её губ, как немощная красавица подскочила, точно ошпаренная, её вывернуло наизнанку, и она рухнула без чувств. В итоге спасти репутацию Долины Медицины пришлось его брату, Второму господину Лу.

С тех пор по Поднебесной пошла молва: другие лекари берут за услуги деньги, а Лу Одиннадцатый — жизнь.

Говорили, что, узнав об этом, владыка Долины Медицины в гневе взорвал два котла с ценнейшими пилюлями — его враги не могли нанести такой удар по его чести, какой нанес собственный сын.

Цю Бодэн задумался.

Неужели меч Тайи привел его в город Фу только потому, что здесь собрались все главные бездельники и повесы мира?

— Клянусь! Правда! Лу-сюн! Клянусь всеми значками своего старика! — Цзо Юэшэн стоял на своем: подвеска пропала. Это окончательно вывело Лу Цзина из себя. Забыв о брезгливости, он принялся охаживать толстяка тумачами, отчего тот заверещал, как недорезанный поросенок.

Цю Бодэн, прихватив меч, запрыгнул на стену и, достав прихваченную из окна сладость, принялся с аппетитом наблюдать за экзекуцией.

Спустя пару минут он заметил, что Лу Цзин бьет как-то неумело, и решил дать совет опытного мастера:

— Не так. Бери чуть ниже. Да-да, под ребра, локтем нажимай.

— А здесь бей левее на три цуня.

— ...

Притворные вопли Цзо Юэшэна мгновенно сменились вполне искренними криками боли.

— Да правда потерял! — орал он, пытаясь увернуться. — В тот же день, как выманил... то есть, купил! Прошел всего пару кварталов, и меня оглушили! Черт возьми, какая-то бешеная птица так меня крылом приложила, что я искры из глаз посыпались. Очнулся — а вокруг только перья!

Лу Цзин в ярости выкрикнул:

— Птица утащила?! Ты за кого меня принимаешь?! Ври, да не заврапывайся! Если не вернешь нефрит, я из тебя жир вытоплю и на фонари пущу!

— И то верно, — подлил масла в огонь Цю Бодэн. — Птичку жалко. Летит себе, никого не трогает, и тут на неё такую вину вешают. Брат Цзо, не обижай пернатых, они ведь ответить не могут. Лу-сюн, приложись-ка еще разок пониже, он явно не договаривает.

— Истинная правда! Чище золота!

Цзо Юэшэн отчаянно заерзал.

— Я возьму! Всё возьму! Подумаешь, подвеска! У моего старика в сокровищнице полно добра, я тебе штук семь-восемь украду!

Цю Бодэн удивленно приподнял бровь. Зная патологическую жадность и трусость этого жирдяя... если он готов даже на кражу у отца...

— Неужели и впрямь потерял? — Лу Цзин, запыхавшись, остановился, не веря своим ушам.

— Я ведь тебе еще и траву возвращения души в придачу дал... Ни гроша не заработал, одни убытки, — простонал Цзо Юэшэн.

— Значит, правда... — Лу Цзин замер, словно из него выкачали все силы.

Толстяк, кривясь от боли, попытался отползти подальше.

— ...сплошной разор. Хоть та трава и была поддельной, из девятикольцевого яна, но она тоже тысячи две стоила...

Он хотел было начать торговаться, предлагая вернуть этот самый ян, как вдруг Лу Цзин громко, навзрыд, разрыдался.

Цю Бодэн на стене едва не подавился куском плода.

Взрослый парень, знатный господин — и вдруг такой рев. Без тени стыда, во весь голос, так, что мертвые могли бы проснуться.

Цзо Юэшэн опешил.

— Да это же просто кусок нефрита! Я же сказал — всё верну! Хочешь подвеску с рыбой, хочешь Зеркало Лазурного императора, хочешь печать — что угодно! Я всё отдам!

— Да на кой мне твои побрякушки! — в ярости выкрикнул Лу Цзин сквозь слезы. — Ты своей фальшивкой выманил у меня единственную вещь, что осталась от матери!

Цзо Юэшэн застыл с открытым ртом. Его лицо, украшенное синяками всех цветов радуги, выглядело в этот миг нелепо и жалко. Цю Бодэн, сидевший на стене, внезапно ощутил глухое раздражение.

«Реликвия. Память. Почему люди, уходя, обязательно должны что-то оставлять?»

Если уж умирать, то уходить нужно бесследно, не оставляя за собой ничего.

Зачем оставлять после себя груды хлама, обрывки теней? Разве это не то же самое, что вонзить иглу в сердце живым, заставляя их вечно чувствовать ноющую боль? Цю Бодэн ненавидел памятные вещи, ненавидел всё надломленное и незавершенное. Давным-давно он решил: когда придет его час, он первым делом предаст огню и себя, и всё, что ему принадлежало.

Мало превратиться в пепел — нужно, чтобы этот пепел развеяли над морем.

Прах к праху, пыль к пыли. Уходить нужно налегке.

Лу Цзин сжался в комок, спрятав лицо в ладонях, и сквозь всхлипы слышалось, как он зовет кого-то. Цю Бодэн спрыгнул со стены и в три шага оказался рядом.

— Кто?! Жить надоело?! — Лу Цзин, задыхаясь от слез, поднял голову.

— Если вещь потеряна — её нужно искать.

Цю Бодэн стоял перед ним, сжимая меч Тайи. В лучах заходящего солнца его фигура казалась темным силуэтом, а взгляд был холодным и пронзительным. Когда он не улыбался, его глаза казались бездонными омутами, внушающими невольный трепет.

— Будешь и дальше выть — я тебя сам побью.

<http://bllate.org/book/16967/1581707>